

Моя машина ЛЕНИНА

ОРГАН ПЕРВОУРАЛЬСКОГО РАЙНОМА ВКП(б), ГОРСОВЕТА И РАЙПРОФСОВЕТА

№ 197 (1444)

27 августа

1936 года

Цена номера 5 коп.

Мудрому вождю, великому СТАЛИНУ

от рабочих Хромпикового завода им. „X лет Октября“

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ! Мы, рабочие Хромпикового завода имени X летия Октября, в Первоуральске, с величайшим вниманием следили за ходом суда над злейшими врагами народа — троцкистско-зиновьевской бандой.

О огромном возмущении и ненавистью к врагам мы встретили сообщение НКВД о гнусных злодейских планах фашистских змей, посягающих на жизнь лучших сынов трудящегося человечества, на вашу жизнь, Иосиф Виссарионович, и жизнь ваших соратников.

Возмущение и ненависть еще больше усиливались, росли в нас по мере того, как нам становились известными в ходе процесса все детали планов убийств, замыслы врагов.

Мы, как и все трудящиеся, требовали расстрела главарей фашистской банды троцкистов-зиновьевцев. И сегодня мы с

удовлетворением узнали, что пролетарский суд выполнил желание и требование советского народа.

Всбесившейся собаке — собачья смерть! Этот приговор звучит грозным предупреждением всем тем, кто попытается посягнуть на жизнь лучших представителей советского народа.

Мы обязуемся во сто крат повысить бдительность, беспощадно разоблачать троцкистско-зиновьевское охвостье.

Будем неослабно выполнять ваши указания, наш вождь и учитель, о повышении бдительности к проискам врагов народа. Будем всеми силами охранять вашу жизнь, Иосиф Виссарионович, которая для нас дороже наших собственных жизней.

Письмо единодушно принято на сменных собраниях и подписано 900 рабочих.

„СУД ВЫПОЛНИЛ НАШЕ ТРЕБОВАНИЕ“

НОВОУРАЛЬСКИЙ ЗАВОД, 26 августа (Соб. корр.). Хотя большинство четырехтысячного коллектива Новоуральского трубного завода уже слышало по радио о приговоре над участниками троцкистско-зиновьевского центра, но жюда в утренних и ночных сменах проводилась летучие митинги по обсуждению приговора террористам, с исключительным вниманием выслушивали рабочие этот приговор, единодушно солидаризуясь с ним.

120 человек присутствовало на собрании в смене инженера Тилиа трубопрокатного цеха. Не успел парторг трубопрокатки т. Валович закончить сообщение, как слово взял рабочий Герланов.

— Приговор, — говорит он, совершенно правильный. В нем выражена воля народа всей нашей страны. Мы очень рады, что наше требование — стереть с Советской земли презренных предателей — судом учтено.

Вслед за Горлановым выступил стахановец методической пещи тов. Костин. Он говорит коротко:

— Банда презренных троцкистов в своей „программе“ имела цель захватить власть в свои руки. Их „программа“ была зверский насыщенный террор.

Бдительный сторожевой нашей страны — НКВД во время раскрытия бандитов. Какой же можно было ожидать другой приговор, как не расстрел? Другого приговора мы и не имели ввиду.

— Нам нужно, — заявил далее тов. Костин, — усилить революционную бдительность. Наше требование — преследовать правых.

Вслед за Костиным выступил рабочий Буевич.

— Я слушал, — сказал он, — по радио обвинительную речь прокурора Вышинского. Мне казалось, это говорит не один Вышинский, а весь народ нашей счастливой процветающей родины, который любит партию Ленина — Сталина и великого гения человечества Иосифа Виссарионовича Сталина. Я, как и все трудящиеся нашей родины, испытываю полное удовлетворение вынесенным приговором.

С таким же единодушным подходом собрания в других сменах. В смене инженера Арбузова рабочие приходили к столу и подписывали резолюцию, в которой одобрялся приговор Военной коллегии Верховного суда и выражалась безграничная преданность партии, правительству и великому вождю тов. Сталину. Глушанов.

ТРУДЯЩИЕСЯ ОБЛАСТИ ОДОБРЯЮТ ПРИГОВОР

Десятки районных и областных газет, полученных вчера редакцией, полны откликов трудящихся Свердловской области на приговор Военной коллегии Верховного ССОР. Приговор единодушно одобряется.

Выступавшие на митинге в Чусовой прокатчики Щергин, Суетин и Ляхович заявили: „Приговор пролетарского суда над бандой троцкистов — выражение воли 170 миллионов народа нашей страны. Собакам — собачья смерть! Легче дышится, когда наша страна избавилась от зловонной нечисти троцкистско-зиновьевского отребья“.

На заводе им. Дзержинского в Перми, одобряя приговор, рабочие в своей резолюции записали: „Мы требуем от прокуратуры СССР быстрее выяснить причастность к чудовищному заговору Рынова, Бухарина, Радена, Углонова, Пятакова и других“.

ПЕРВОУРАЛЬСКОМУ УЧИТЕЛЬСКОМУ СОВЕЩАНИЮ

Телеграмма заведующего областным отделом народного образования

Горячо приветствую совещание учителей с наступающим новым учебным годом. Желая успеха в борьбе за выполнение директив партии и правительства о школе. Воспитывайте в детях горячую любовь к коммунистической партии и родному Сталину, чье имя является знаменем борьбы трудящегося человечества за радостную, счастливую жизнь без эксплуатации и эксплуататоров.

Воспитывайте в детях ненависть к врагам Советского Союза, которые руками приговоренных всем народом к позорному столбу и приговоренных к расстрелу главарей троцкистско-зиновьевской банды совершали террористические акты над организаторами мировых побед социализма — великим Сталиным и его славными соратниками.

Будьте бдительны в борьбе с извращениями в советской педагогике, под-

нимите свою ответственность на уровень задачи, поставленной ЦК партии — „восстановить в полных правах педагогику и педагогов“.

Воспитывайте высококультурных, стойких борцов за дело рабочего класса, способных завершить построение коммунистического общества.

Держите высоко знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Перель.

Навстречу стахановской годовщине

Новые победы

Стахановцы Первоуральского завода полны желанием прийти к стахановской годовщине с новыми производственными победами. 25 августа калывовские калывовского цеха трубопрокатного цеха смены Галицих, бригады Бирюкова, тов. Еловских прокатали 10,15 тонны паровых труб. Он выполнил новую стахановскую норму на 135 проц. и перекрыл техническую мощность стана на 150 килограммов.

24 августа бригада пресовщиков т. Колманова выдала за смену 12,1 тонну заготовки, выполнив новую стахановскую норму на 120 проц. Заработок пресовщика за эту смену выразился в 26 руб. Кольцовщик волочинского цеха т. Ряхин П. протянул за смену 3,110 метров труб, выполнив новую стахановскую норму на 155,5 проц., заработав за смену 26 руб. 65 коп. Н. Ч.

Энтузиазм соревнования

ТРУБСТРОЙ Главное управление тяжелой промышленности объявило всесоюзное соревнование на лучшую стройку. Готовясь к участию в соревновании, промышленные и жилищные участки Трубострой анализируют производственные показатели строителей.

Основных строителей на Малом штифеле насчитывается 238, из них лишь 38 человек в отдельные дни не выполняют нормы, остальные же дают полторы и две нормы. Так, в звене бетонщиков имеется 65 рабочих. Из них 40 бетонщиков выполняют нормы от 130 до 163 процентов, а 20 бетонщиков вы-

полняют от 180 и выше 200 процентов. Наибольшую производительность дают звенья Глушнова, Подрезова и Аксентьева. В последнем звене производительность поднялась с приходом известного стахановца, бывшего землекопа, а сейчас переквалифицировавшегося в бетонщика, тов. Крутова. Бригада Аксентьева в отдельные дни достигает свыше 200 процентов.

По словам временно исполняющего должность начальника участка тов. Комаровникова, в среднем производительность по всему участку составляет 121 процент.

АХМЕДЗЯНОВ ТЕМПОВ НЕ СДАЕТ

ХРОМПИКОВЫЙ ЗАВОД. (Наш. корр.). Стахановец аппаратчик хромового ангидрида тов. Ахмедзянов не ослабляет свои темпы. На протяжении всего августа он дает не менее 9 варок за смену. Своей стахановской работой он зажигает многих других аппаратчиков. Аппаратчик Иванов до того, как Ахмедзянов установил новый рекорд — 10 варок, выполнял не больше стахановской нормы. Теперь он ее перекрывает. Вместо 5 варок, дает 7 варок. Точно так же повысил на две варки и аппаратчик Шейхисламов. Аппаратчик Давыдов также повысил выработку товара хромового ангидрида против нормы на 120 килограмм.

Военно-фашистский мятеж в Испании

ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ ПОД КОРДОВОЙ

ПАРИЖ, 23 августа. Бои за Кордову продолжаются на окраинах города. В руках республиканских сил находится предместье Кордовы. Мятежники еще занимают центр города. Вчера отряды фашистов предприняли атаку против правительственных войск, атака была отбита, на поле сражения осталось убитыми около 100 мятежников, большей частью солдат иностранного легиона. В самой Кордове возстал гражданская гвардия, выступившая против фашистов. По сведениям Гавас из Мадрида, республиканская авиация бомбардировала центр Кордовы. 58 бомб сброшены на здания, занятые мятежниками. В течение последних двух суток 6 тысяч солдат дезертировали из частей генерала Франко и присоединились к республиканским силам.

Гавас сообщает, что крейсер мятежников „Кавариас“ дважды бомбардировал вчера Сан-Себастьян, причинив серьезный ущерб городу.

ЛОНДОН, 24 августа. На севере в районе Сан-Себастьяна мятежники опять бомбардировали Ирун. Вблизи Сан-Себастьяна мя-

тежниками был обстрелян форт Гваделупе. По сообщению „Таймс“, испанские правительственные войска после ожесточенного боя заняли Бельчите на сарагосском фронте.

Город Хихон был взят республиканскими войсками в результате ожесточенного боя, во время которого горняки захватили 90 пулеметов, 6 мортар, 2 скорострельных орудия и 500 винтовок.

ПАРИЖ, 24 августа. По сведениям из Овиндо, сегодня правительственный самолет совершал полеты над городом, сбрасывая листовки с призывом к мятежникам сдаться. В этом призыве содержалось предупреждение, что в случае отказа город подвергнется бомбардировке. Так как ответа на предложение о сдаче не последовало, то самолеты через 12 часов сбросили на город 58 бомб. После этой бомбардировки, командующий мятежными силами в Овиндо обратился по радио со следующим заявлением к генералу Мола: „Если вы не вышлете официально обещанной помощи, я буду вынужден сдаться“.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Утреннее заседание 22 августа

Все утреннее заседание 22 августа было заполнено речью государственного обвинителя, прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского. Речь тов. Вышинского продолжалась четыре часа. В ней государственный обвинитель вскрыл всю механику преступлений белоэвардейских выродков. Он вскрыл одно преступление за другим, каждый словом все более и более обнажая подлость сидящих на скамье подсудимых.

Тов. Вышинский камня на камне не оставил от хитроумно задуманной подсудимым Смирновым системы защиты. Смирнов пытался в свое оправдание использовать тот факт, что он во время наиболее активной деятельности троцкистско-зиновьевской своры уже был изолирован. Прокурор напомнил Смирнову, что уже находился в изоляторе, тот поддерживал связь со своими единомышленниками, пользуясь шифром. Подсудимый окончательно изобличен.

Государственный обвинитель беспощадно вскрыл истинный смысл лицемерных заявлений главари фашистской банды, которые уже не в первый раз пытаются заверить советский суд в том, будто теперь они сказали уже всю правду. Тов. Вышинский зачитывает показания тех же подсудимых на предыдущем процессе в январе 1935 г., когда у судебных властей еще не было достаточных данных о том, что руки Зиновьева и Каменева непосредственно обогрели кровью убитого ими лучшего сына нашей партии и Советской страны товарища Кирова. Широким профессорским жестом поднимал тогда Каменев руки и, обращаясь к портретам вождей, висевшим в зале суда, к именам руководителей Советской страны, против которых он подготовил уже убийц, он являлся в своей непричастности к убийству Кирова.

Как в кинематографе, разворачивается лента уголовных дел контрреволюционного троцкистско-зиновьевского подполья. Заговор на жизнь вождей партии и страны... Вербовка убийц из числа тех, которые готовы на

все... Инспекционные поездки для проверки работы террористов... Нажим Троцкого, лихорадочное нетерпение вожжов террористов, настойчиво требовавших как можно скорее побольше кровавых результатов... Прибытие из за границы особо уполномоченных Троцким убийц... Связи с агентами германской охраны. И на случай прихода к власти—хладнокровное обсуждение проекта троцкистско-зиновьевского „30 июня“ по гитлеровскому образцу для того, чтобы убрать лишних свидетелей и рядовых участников или же организованных кровавых злодеев.

Заканчивая свою речь, т. Вышинский сказал:

— „Подходит последний час—час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны, победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма. Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой „Народной воли“, пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадным жестоким врагом—царским правительством. Называли и имя Гершуня, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики. То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполкомом, борьба за интересы народа. Мы, большевики,

всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народо-вольцев. Гершуня не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа. А вы — кучка подливых контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и вступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народо-вольческого терроризма. Троцкий уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречно, действовали во времена Народной воли в борьбе против царского самодержавия за свободу — я решительно отмечаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами—преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождам советской страны, вождам трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю к свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тяжчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесивших собак я требую расстрелять—всех до одного!

(Соб. инф)

хотя, сидя в тюрьме, мы знали, что каждый день, каждый час может раздаться новый злодейский выстрел. Никто из нас не сделал того, что должен был сделать, если бы хотя бы одна из нас была связана бы нас с делом революции.

Мы от фашистов отличаемся очень невыгодно. Фашизм прямо и открыто написал на своем знамени „смерть коммунизму“. У нас все время было на устах „да здравствует коммунизм“, а на деле борьба против победившего в СССР социализма. На словах „да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)“, на деле—подготовка убийств членов политбюро, Центрального комитета партии, одного из которых мы и убили. На словах „Долой империализм“, на деле—ставка на поражение СССР в борьбе с международным империализмом.

Троцкий, — продолжает подсудимый Ефремов, — не сидит вместе с нами на скамье подсудимых, так как находится за границей. У него две перспективы: либо исчезнуть немедленно и бесследно, как исчез Азеф, не только с политической арены, но вообще с арены жизни, перейти в небытие, спрятаться по какой-нибудь фальшивке, как прятался Азеф, либо предстать в свое время перед пролетарским судом.

— Не нахожу возможным, — заканчивает свое последнее слово Ефремов, — просить о снисхождении. Слишком велики наши преступления и перед пролетарским государством и перед международным революционным движением, чтобы мы могли рассчитывать на снисхождение.

— Политический вес и биография каждого из нас, — говорит Дрейцер, — не одинаковы в прошлом. Но став убийцами, мы сравнялись здесь. Я во всяком случае принадлежу к тем, кто не в праве ни рассчитывать, ни просить о пощаде.

— Как бы ни решилась наша судьба, — говорит в своем последнем слове подсудимый Райнгольд, — но мы уже расстреляны политически. Представитель государственного обвинения голодом 170 миллионного советского народа потребовал для нас, как для бешеных собак, расстрела. Я знал, куда я иду и на что я иду. Я и вся сидящая здесь террористическая троцкистско-зиновьевская организация разоблачена этим процессом, как ударный отряд, ударный белоэвардейский фашистский отряд международной контрреволюционной буржуазии.

— Вдруг сомкнулся. Конец политическому маскараду, конец бутафории с оппозициями, дискуссиями, платформами. На месте оппозиции стал государственный заговор, на место дискуссии и платформы — пуля и

бомба. Райнгольд заканчивает: — Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита, похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

— Свою вину я признаю полностью. Не мне просить о пощаде.

* * *

— Я виновен в убийстве Кирова, — заявляет Бакаев, — я принимал непосредственное участие в подготовке других террористических актов против руководителей партии и правительства. Я готов нести ответственность во всей ее полноте. Мы, троцкисты и зиновьевцы, работали не только на пользу международной контрреволюционной буржуазии, но работали рука об руку с агентами самого злобного врага рабочего класса — фашизма.

— Факты, прошедшие перед судом, показывают всему миру, что организатором невиданного в мире троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока и душой его является Троцкий. За интересы Зиновьева и Каменева я прокладывал свою гохову. Меня глубоко таскает сознание того, что я стал послушным орудием в руках Зиновьева и Каменева, стал агентом контрреволюции, что я поднял руку на Сталина.

Бакаев обращается к Зиновьеву с обвинением в том, что тот не был откровенен и на суде.

Бакаев заканчивает свое последнее слово заявлением, что понимает всю тяжесть преступления и ждет заслуженного в справедливого приговора пролетарского суда.

* * *

Подсудимый Шкель дает детальный обзор истории развития троцкистско-зиновьевской оппозиции, ставшей бандой контрреволюционеров троцкистов. Он заявляет, что уже с 1925 года борьба этой оппозиции против партии, ее Центрального Комитета носила все элементы политического бандитизма. Эта борьба началась с гнусных инсинуаций против руководства партии и кончилась террористическими актами.

— Вывод может быть только один, — говорит Шкель. — Мы представляем собой самую озверевшую шапку уголовных преступников, являющуюся не чем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были нашим знаменем. К этому знамени тапнулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты, и агенты иностранных государств.

— Последние восемь лет являлись для меня годами подлости, годами жутких кошмарных дел. Я должен поклясться заслуженное мною наказание.

* * *

На этом вечернее заседание заканчивается.

Вечернее заседание 22 августа

После открытия вечернего заседания председательствующий т. Ульрих обращается к каждому из подсудимых, предоставляя им слово для защитительной речи, поскольку они отказались от защиты. Все подсудимые почтительно заявляют суду, что они не будут произносить защитительные речи, мотивируя это тем, что они воспользуются правом последнего слова. Ряд подсудимых при этом подчеркивает, что они не считают себя вправе защищаться, поскольку они признают выдвинутые против них обвинения справедливыми.

После короткого перерыва председательствующий тов. Ульрих предоставляет подсудимым последнее слово.

Первым получает слово Мрачковский.

Подсудимый Мрачковский начинает свое последнее слово с автобиографии. Затем он говорит:

— В 1923 году я стал троцкистом. Я встал на путь подлый, на путь обмана партии. На прошлых заслугах надо поста-

вить крест—прошлого не существует. На настоящем крест не поставишь. Я контрреволюционер...

— Я не прошу, — продолжает Мрачковский, — смягчать мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости.

— Почему же я, — говорит далее Мрачковский, — стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким—вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей. Могут сказать: не помогла партия, может быть, можно было оторвать от контрреволюции и спасти партию, а партия не приняла мер. Неверно это. Партия сделала все, чтобы оторвать меня от контрреволюции. Партия помогала и крепко помогала мне.

— Я сказал, пожалуй, все, — заканчивает Мрачковский. — Пусть все помнят, что контрре-

волюционером может быть не только генерал, не только князь или дворянин, но могут быть контрреволюционерами и рабочие или выходцы из рабочих, такие, как я. Я ужою, как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, и прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту клевету выплюнул.

— Кто нам теперь поверит хоть в одном слове? — начинает подсудимый Ефремов. — Кто поверит нам, разыгравшим гнусную комедию у свежей могилы убитого нами Кирова, нам, только случайно и то не по нашей вине не ставшим убийцами Сталина и других вождей народа! Кто поверит нам, представшим перед судом, как контрреволюционная бандитская шайка, как союзники фашизма, гестапо? Разве хотя бы у одного из нас, осужденных во время прошлого года ленинградского процесса зиновьевцев, дрогнуло сердце, при мысли об оставшихся на воле сообщниках,

Утреннее заседание 23 августа

На утреннем заседании 23 августа продолжают последние слова подсудимых.

— Я вместе с Зиновьевым и Троцким, — заявляет Каменев, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей

страны и осуществившего убийство Кирова.

— Десять лет, если не больше, — продолжает Каменев, — я вел борьбу против партии, против правительства советской страны, лично против Сталина. В этой борьбе я использовал, мне кажется, весь известный мне арсенал политических средств—от

Продолжение на 3 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра*

крытую политическую дискуссию, попытки проинизуть на фабрики и заводы, нелегальные прокламации, подпольные типографии, обман перич, выход на улицу и организацию уличных выступлений, заговор и, наконец, террор.

Я изучал когда-то историю политического движения и не могу вспомнить такой формы политической борьбы, которую мы не проводили бы за последние десять лет. Нам в нашей политической борьбе пролетарская революция предоставила такой срок, какой никогда ни одна революция не предоставляла своим врагам. Буржуазная революция 18 века давала своим врагам недели и дни, а затем уничтожала их. Пролетарская революция десять лет предоставляла нам возможность исправиться и покаяться в своих ошибках. Но мы этого не сделали. Я трижды был возвращен в партию. Я был возвращен из ссылки по одному лишь моему личному заявлению. После всех моих ошибок мне доверялись ответственные поручения и посты. Я сейчас стою третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях. Дважды мне была сохранена жизнь. Но всему есть предел, есть предел и великодушности пролетариата, и этот предел мы исчерпали. Я спрашиваю себя, — говорит далее Каменев, — случайность ли то, что рядом со мною, Зиновьевым, Ефимовым, Банаевым, Мрачковским сидят эмиссары иностранных охранок, люди с фальшивыми паспортами, с сомнительными биографиями и с несомненными связями с гестапо? Нет! Не случайность это. Мы сидим здесь вместе с агентами иностранных охранок, потому что нашим оружием было одно и то же, потому что руки наши переплелись раньше, чем судьбы наши переплелись здесь, на этой скамье.

Так, — заканчивает Каменев, — служили мы фашизму, так организовывали мы контрреволюцию против социализма, готовили, расчищали дорогу интервентам. Таков был наш путь и такова та яма презренной измены и всякой мерзости, в которую мы свалились.

— Я хочу еще раз сказать, — начинает свое последнее слово подсудимый Зиновьев, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я виновен в том, что был вторым после Троцкого организатором троцкистско-зиновьевского блока, поставившего себе целью убийство Сталина, Ворошилова и ряда других руководителей партии и правительства. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова.

— Партия, — продолжает Зиновьев, — видела, куда мы идем, и предостерегала нас. В одном из своих выступлений Сталин указывал, что среди оппозиции могут появиться тенденции насильственным путем навязать свою волю партии. Дзержинский еще перед четырнадцатым съездом партии на одном из совещаний назвал нас кровопийцами. Сталин, Ворошилов, Орджоникидзе, Дзержинский, Микоян всячески пытались нас убедить, спасти нас. Они десятки раз говорили нам: вы можете причинить огромный вред партии и советскому государству, вы сами при этом погибнете. Мы не послушались этих предостережений. Мы вступили в союз с Троцким. Мы стали заместителями меньшевиков, эсеров, белоохранцев, которые не могли выступать открыто в нашей стране. Мы стали заместителями эсеровского терроризма, недореволюционного терроризма, направленного против самодержавия, а право эсеровского терроризма эпохи гражданской войны, когда эсеры стреляли в Ленина.

Мой дефективный большевизм превратился в антибольшевизм, и я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевщина — разновидность троцкизма.

— Вы мне не поверите, граждане судьи, что наболевшим наказанием, чем все, что мне предстоит, был для меня момент, когда я слушал здесь показания Натана Лурье и показания Ольберга. Я чувствовал и понимал, что мое имя будет связано с именами тех, которые стояли со мною рядом. По правую руку — с Ольбергом, по левую руку — с Натаном Лурье...

В своем последнем слове Смирнов подробно останавливается на истории своей борьбы с партийным руководством после того, как он в 1929 году был прощен партией и возвращен в ее ряды.

— Я вернулся в партию, — говорит Смирнов, — в 1929—30 гг., и партия сделала все, что могла, чтобы помочь мне стать на верные рельсы. Но я не сумел оправдать доверия.

Продолжая свое слово, Смирнов говорит, что уже в 1931 году он вновь поднял борьбу с руководством партии.

— Это была моя ошибка, которая переросла затем в преступление. Это толкнуло меня на восстановление связей с Троцким, толкнуло на искание связей с группой зиновьевцев, это привело меня к блоку с группой зиновьевцев, к получению в ноябре 1932 г. через Гавана директивы о терроре от Троцкого, привело к террору. Директиву Троцкого о терроре я передал блоку, куда входил в качестве члена центра. Блок эту директиву принял, стал действовать.

Затем, как и на предварительном и судебном следствиях, Смирнов продолжает отрицать ответственность за преступления, совершенные троцкистско-зиновьевским террористическим центром после своего ареста.

Далее Смирнов обращается ко всем своим сторонникам с призывом твердо перестать с притупленным, бороться с троцкизмом и Троцким, заявляя: „Нет другого пути у нашей страны, чем тот, по которому она идет, и нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дано нам историей. Троцкий, который посылает директивы и установил на террор и рассматривает наше государство, как фашистское — враг, он на другой стороне баррикады, и с ним надо бороться“.

Все мое политическое мировоззрение, — говорит Ольберг, — сложилось под влиянием Троцкого и троцкизма. Я вслед за Троцким не останавливался ни перед террором, ни перед соглашением с фашистами. Цели троцкистской контрреволюционной организации и их безнадежность стали мне особенно ясны на этом процессе, на котором я со всей четкостью увидел, как жалки те лидеры троцкистско-зиновьевской контрреволюции, которые повели нас, молодых, по пути террористической борьбы и как велика мощь советского государства... Я прошу Верховный суд дать мне возможность попытаться, хотя бы частично, загладить свои чудовищные преступления.

В своем заключительном слове, — говорит Берман Юрин, — я не хочу защищать себя какими-нибудь аргументами. Нет этих аргументов. Я раскаялся, но поздно. Гражданин прокурор вчера в своей обвинительной речи дал полную картину моих преступлений. И пролетарское государство поступит со мною так, как я этого заслужил. Поздно сокрушаться.

Здесь, — говорит Гольцман, — на скамье подсудимых вместе со мной сидят компания убийц, не только убийц, а фашистских убийц. Я не прошу никакой пощады.

Мое преступление — ясно, оно доказано, — говорит Н. Лурье. — Я не знаю, что я мог бы еще сказать в мою защиту. В моем последнем слове я могу только пожалеть о том, что я делал... Но я слишком поздно об этом жалею.

В своем последнем слове М. Лурье говорит: Я ничего не скрываю, в этом меня не могут упрекнуть. Прокурор требовал для меня сурового наказания. Но разве можно сравнивать мое преступление с преступлением моего главаря.

М. Лурье просит о применении к нему смягчающих вину обстоятельств.

На этом кончается утреннее заседание.

Жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление.

В 7 час. вечера суд удаляется в совещательную комнату.

В 2 ч. 30 м. 24 августа председательствующий тов. Ульрих оглашает приговор.

Павлович, 1907 года рождения, служащего.

14. Бермана-Юрина, Колоса Борисовича, он же Александр Ф. Мач, 1901 года рождения, служащего.

15. Лурье, Моисей Ильича, он же Эммануил Александр, 1897 года рождения, служащего.

16. Лурье, Натан Лазаревича, 1901 года рождения, служащего, — всех в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19 58 8 и 58 11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено: Осенью 1932 года по директиве Л. Троцкого, полученной руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло объединение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп и п, организованных „объединенный центр“ в составе: Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Банаева (от зиновьевцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Объединение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе применения индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Троцкого, полученным „объединенным центром“ через подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

Судом установлено, что „объединенным центром“ по прямым указаниям Л. Троцкого и Зиновьева было организовано и осуществлено 1 декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев Николаева — Котлынова злодейское убийство члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) тов. Сергея Мироновича Кирова.

Не ограничиваясь убийством т. Кирова, троцкистско-зиновьевский центр подготовил ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М., Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Материалами судебного следствия и признаниями подсудимых Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Банаева, Мрачковского и Дрейцера установлено, что Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали подготовку к убийству тов. С. М. Кирова. В целях форсирования убийства тов. С. М. Кирова в июне 1934 года Каменев по поручению объединенного троцкистско-зиновьевского центра выехал в Ленинград, где вел переговоры об организации этого террористического акта против т. Кирова с

(Окончание на 4 стр.)

ПРИГОВОР

именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР

в составе председательствующего — председателя Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюриста т. Ульрих В. В.; членов: заместителей председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюриста тов. Матулович И. О. и диввоенюриста тов. Ниниченко И. Т., при секретаре — военном юристе 1 го ранга тов. Костюшко, с участием государственного обвинителя прокурора Союза ССР — тов. Вышинского А. Я.

в открытом судебном заседании в г. Москве 19—24 августа 1936 года рассмотрела дело по обвинению:

1. Зиновьева, Григория Евсеевича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу „московского центра“ зиновьевцев по ст. 17 58 8 УК РСФСР в тюремному заключению на десять лет.

2. Каменева, Льва Борисовича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу „московского центра“ зиновьевцев по ст. 17 58 8 УК РСФСР в тюремному заключению на пять лет и вторично осужденного 27 июля 1935 года по ст. 17 58 8 УК РСФСР в тюремному заключению на десять лет.

3. Евдокимова, Григория Еремеевича, 1884 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу „московского центра“ зиновьевцев по ст. 17 58 8 УК РСФСР в тюремному заключению на восемь лет.

4. Банаева, Ивана Петровича, 1887 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу „московского центра“ зиновьевцев по ст. 17 58 8 УК РСФСР в тюремному заключению на восемь лет.

Мрачковского, Сергея Витальевича, 1883 года рождения, служащего.

6. Тер-Ваганяна, Вагараха Арутюновича, 1893 года рождения, служащего.

7. Смирнова, Ивана Никитича, 1880 года рождения, служащего — всех семерых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 8 и 58 11 УК РСФСР.

8. Дрейцера, Ефима Александровича, 1894 года рождения, служащего.

9. Рейнгольда, Исаака Исаевича, 1897 года рождения, служащего.

10. Пинеля, Рихарда Витольдовича, 1896 года рождения, служащего.

11. Гольцмана, Эдуарда Соломоновича, 1882 года рождения, служащего.

12. Фрица Давида, он же Круглянский Илья Давид Израилевич, 1897 года рождения, служащего.

13. Ольберга, Валентина

Вечернее заседание 23 августа

В вечернем заседании 23 августа произносятся последние слова подсудимые Тер-Ваганяна и Фриц Давид.

В последнем слове подсудимый Тер-Ваганяна полностью признает свою вину перед советским государством и перед партией.

— Я подавлен, — говорит Тер-Ваганяна, — тяжестью всего того, что здесь вскрылось. Я подав

ляю речь прокурора.

Очень трудно, когда всем ходом твоего преступления оказываешься на положении врага, фашиста, которого судит пролетарский суд. В такой момент было бы, конечно, лукавством, если бы я не сказал одного: хочется получить возможность приложить все усилия, чтобы заполнить ту пропасть, ту бездну, которая отделяет меня от бывших товарищей.

— Я склоняю повинную голову перед судом и говорю: каково бы ни было ваше решение и как бы суров ни был приговор — я его принимаю, как заслуженный.

— Я хочу заверить пролетарский суд, — говорит подсудимый Фриц Давид, — что я проклинаю Троцкого. Я проклинаю этого человека, который погубил мою

жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление.

В 7 час. вечера суд удаляется в совещательную комнату.

В 2 ч. 30 м. 24 августа председательствующий тов. Ульрих оглашает приговор.

Павлович, 1907 года рождения, служащего.

14. Бермана-Юрина, Колоса Борисовича, он же Александр Ф. Мач, 1901 года рождения, служащего.

15. Лурье, Моисей Ильича, он же Эммануил Александр, 1897 года рождения, служащего.

16. Лурье, Натан Лазаревича, 1901 года рождения, служащего, — всех в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19 58 8 и 58 11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено: Осенью 1932 года по директиве Л. Троцкого, полученной руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло объединение троцкистских и зиновьевских подпольных контрреволюционных групп и п, организованных „объединенный центр“ в составе: Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Банаева (от зиновьевцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Объединение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе применения индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Троцкисты и зиновьевцы по прямым указаниям Троцкого, полученным „объединенным центром“ через подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 гг.) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

Судом установлено, что „объединенным центром“ по прямым указаниям Л. Троцкого и Зиновьева было организовано и осуществлено 1 декабря 1934 г. через подпольную террористическую ленинградскую группу зиновьевцев Николаева — Котлынова злодейское убийство члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) тов. Сергея Мироновича Кирова.

Не ограничиваясь убийством т. Кирова, троцкистско-зиновьевский центр подготовил ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М., Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Материалами судебного следствия и признаниями подсудимых Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Банаева, Мрачковского и Дрейцера установлено, что Л. Троцкий из-за границы и Зиновьев внутри страны усиленно форсировали подготовку к убийству тов. С. М. Кирова. В целях форсирования убийства тов. С. М. Кирова в июне 1934 года Каменев по поручению объединенного троцкистско-зиновьевского центра выехал в Ленинград, где вел переговоры об организации этого террористического акта против т. Кирова с

(Окончание на 4 стр.)

ДВУРУШНИК ВЫБРОШЕН ИЗ ПАРТИИ

Во время беседы с секретарем райкома партии т. Чернецовым при обмене партдокументов член ВКП(б) Зубарев, директор Новоуральского завода, признался, что он в 1927 году исключался из рядов ВКП(б) за то, что подписал платформу оппозиционного блока, но был восстановлен в партии окрКК, т. е. подписал платформу якобы в нетрезвом виде.

Чувствуя неискренность Зубарева, т. Чернецов поставил вопрос о его партийности на обсуждение бюро РК.

Бюро райкома, два раза обсуждая этот вопрос, установило, что Зубарев исключался из ВКП(б) дважды. Первый раз за обмен браунинга на муку, второй — за подписание оппозиционной платформы.

Бюро установило также, что в 1927 году Зубарев по приезде в Уфалей, где он раньше работал и знал видных троцкистов, немедленно связался с троцкистами и подписал платформу оппозиционного блока. После этого Зубарев исключался из партии окрКК, но был вскоре восстановлен ею же, принимая во внимание его заслуги во время гражданской войны, раскаяние и обещание бороться с врагами партии. Зубарев однако не сдержал своего обещания. После его восстановления в партии, он не вел никакой борьбы с троцкизмом. Зная лично многих видных троцкистов в Уфалее и Назе-

Петровске, он не принял никаких мер для разоблачения их.

Зубарев окружил себя на Новоуральском заводе группой лиц, исключенных различными парт. организациями Союза из ВКП(б) за антипартийные проступки. Эта группа исключенных, находясь на командных административных должностях, делала попытки ввернуть в свои руки руководство общественной жизнью завода.

На бюро РК Зубарев не мог ничем доказать своих голословных утверждений о верности генеральной линии партии и о его борьбе с врагами партии и народа. Стремясь обхитить себя, он отделил успехи в работе руководимого им завода, в целом не выполнявшего программу, пытаясь изобразить как свидетельство его якобы безупречной партийности. А о своей партийной работе он не сказал ни одного вразумительного слова.

Бюро, ознакомившись со всеми этими данными, признало, что при проверке партийных документов Зубареву удалось, уснив бдительность партийной организации пройти проверку партдокументов.

Бюро РК постановило за утрату доверия к троцкисту, за контрреволюционную деятельность на заводе враждебных партий лиц, за попытку обмануть партию и двурушничество — исключить Зубарева из рядов ВКП(б).

„ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЗАМАЛЧИВАНИЕ“

В нашей газете 23 августа была опубликована заметка под заголовком «Подозрительное замалчивание», о замалчивании многократной «Уральский трубу» итогов партсобрания на заводе, посвященного материалам «Правды».

Партком Новоуральского завода, обсудив эту заметку, признал, что изложенные в ней факты совершенно правильны. Временно исполняющий должность редактора «Уральского трубу» тов. Алинин допустил политическую ошибку. Он заслуживает серьезного партийного взыскания. Отметим, что тов. Алинин новый работник в редакции «Уральский трубу» и работает один, партком однако признал, что ряд ценных выступлений по докладу т. Чернецова и главным образом по антипартийному выступлению троцкиста Бердникова тов. Алинин мог дать в газету, но не сделал этого. Партком постановил за это на вид тов. Алинину.

Партком обязал т. Алинина в каждом номере газеты освещать внутрипартийные вопросы, поднимая большевистскую бдительность на должную высоту.

О ПРОВЕДЕНИИ 22 МЕЖДУНАРОДНОГО ЮНОШЕСКОГО ДНЯ

Постановление № 621 президиума Первоуральского городского совета от 21 августа 1936 г.

Для ознаменования Международного юношеского дня президиум Первоуральского горсовета постановляет:

Обязать руководителей клубов предоставить комсомольским организациям клубы в их распоряжение 30, 31 августа и 1 сентября.

Обязать всех руководителей хозяйственных, кооперативных организаций и частных домовладельцев на территории города Первоуральска 30/31 августа в 4 часа дня украсить фасады зданий красными флагами, лозунгами и плакатами.

Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на управление РК милиции.

Пред. горсовета Шилов. Секретарь горсовета Крушина

ПРИКАЗ № 66

ПО ПЕРВОУРАЛЬСКОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРИАТУ

26 августа 1936 г. Первоуральск.

Пункт 3 параграфа 10 приказа военного Комиссариата от 15 го сентября с/г. № 61 „о приеме на действительную военную службу в ряды РККА родившихся в 1914 и 1915 годах, переосвидетельствовании военнообязанных и приписке к призывному участку родившихся в 1916 году“ — отменить, так как указанное в нем постановление коллегии НКЗ РСФСР о порядке выдачи колхозникам единовременного пособия при отправке в кадр РККА при очередных призывах, в настоящий момент утратило свою силу.

Основание: Распоряжение УМО от 21, 8, 36 № МЗ — 2308

Районный военный комиссар — интендант 3 ранга Манжулин.

Редактор Б. ГРЯЗНЫХ.

бывшим в марте 1933 года в Москву из Берлина подсудимым Моисеем Лурье, также получившим от Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 году, находясь на Челябстрое, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь тт. Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 года, по заданию и предварительному соглашению с Моисеем Лурье, пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на тов. Жданова.

Летом 1935 года Л. Троцкий через своего сына Л. Седова был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фиктивным паспортом подданного республики Гондурас. Этот паспорт В. Ольберг приобрел при помощи германской тайной полиции гестапо, получив предварительное согласие от Л. Троцкого через его сына Седова воспользоваться содействием в этом деле германской тайной полиции.

В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в г. Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1 мая 1936 года совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Судебным следствием также установлено, что троцкистско-зиновьевский террористический центр одновременно с подготовкой террористических актов против тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича и Орджоникидзе подготовлял террористические акты против тт. Косиора и Постышева через украинскую террористическую группу, действовавшую под руководством троцкиста Мухина, дело о котором выделено в особое производство.

Таким образом устанавливается виновность:

1. Зиновьева Г. Е.
2. Каменева Л. Б.
3. Евдонимова Г. Е.
4. Банаева И. П.
5. Мрачновского С. В.
6. Тер-Ваганяна В. А.
7. Смирнова И. Н.

в том, что они:

А) организовали объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийств руководителей советского правительства и ВКП(б);

Б) подготовили и осуществили первого декабря 1934 г. через ленинградскую подпольную террористическую группу Нинолаева — Котолынова и других, осужденных 29 декабря 1934 года Военной коллегией Верховного суда Союза ССР, злодейское убийство тов. С. М. Кирова;

В) организовали ряд террористических групп, готовивших убийство тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, — т. е. в преступлении, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 уголовного кодекса РСФСР.

8. Дрейцера Е. А.
9. Рейнгольда И. И.
10. Пинеля Р. В.
11. Гольцмана Э. С.

12. Фриц Давида (Бругалинского Илья Давида Израилевича).

13. Ольберга В. П.

14. Бермана-Юрина К. Б.

15. Лурье М. И. (Эмеля Александра).

16. Лурье Н. Л. —

в том, что, будучи членами подпольной контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, —

т. е. в преступлении, предусмотренных ст. ст. 19-58-8 и 58-11 уголовного кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила:

1. Зиновьева Григория Евсеевича,
2. Каменева Льва Борисовича,
3. Евдонимова Григория Еремеевича,
4. Банаева Ивана Петровича,
5. Мрачновского Сергея Витальевича,
6. Тер-Ваганяна Вагараха Арутюновича,
7. Смирнова Ивана Никитича,
8. Дрейцера Ефима Александровича,
9. Рейнгольда Исаака Исаевича,
10. Пинеля Ричарда Витольдовича,
11. Гольцмана Эдуарда Бодоминовича,
12. Фрица Давида — Бругалинского Илья Давида Израилевича,
13. Ольберга Валентина Павловича,
14. Бермана Юрина Коллона Борисовича,
15. Лурье Моисея Ильича — Эмеля Александра,
16. Лурье Натана Лавровича — всех к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискации всего, лично им принадлежащего, имущества.

Находящиеся в настоящее время за границей Троцкий Лиз Давидович и его сын Седов Лев Львович, избранные показанными подсудимых Смирнова И. Н., Гольцмана Э. С., Дрейцера Е. В., Ольберга, Фрица Давида (Бругалинского И. И.) и Бермана-Юрина и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. УЛЬРИХ. Члены: заместители председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР кор-военюрист И. МАТУЛЕВИЧ, диввоенюрист И. НИКИТЧЕНКО.

(Уральский рабочий)

руководителем одной из ленинградских террористических групп — Яновлевым, дело о котором выделено в особое производство.

Судом также установлено, что, по поручению „объединенного центра“, подсудимый Банаев в ноябре 1934 г. также специально выезжал в Ленинград для проверки подготовленности ленинградской террористической группы Нинолаева — Котолынова к совершению убийства тов. Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Банаев заслушал доклад убийцы товарища Кирова — Леонида Нинолаева и от имени объединенного троцкистско-зиновьевского центра дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства товарища С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Нинолаев и его сообщники и осуществили 1 декабря 1934 г. злодейское убийство товарища С. М. Кирова.

Судом также установило, что в 1934 году подсудимые Банаев, Рейнгольд и Дрейцер, в соответствии с решениями „объединенного центра“, пытались дважды совершить покушение на тов. Сталина.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных „объединенным центром“ террористических актов им был организован в 1933 году в Москве т. н. „московский террористический центр“ в составе подсудимых Рейнгольда, Пинеля и Дрейцера, под непосредственным руководством члена „объединенного центра“ подсудимого Банаева.

„Объединенным центром“ было поручено подсудимому Банаеву практически подготовить осуществление убийства тт. Сталина и Кирова, а члену „московского террористического центра“ подсудимому Дрейцеру была поручена организация террористического акта против тов. Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством „объединенного центра“ ряда террористических актов против руководителей советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение 1932—1936 гг. систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 года Л. Троцкий были переброшены в СССР Берман Юрин и Фриц Давид, причём перед отъездом они были лично инструктированы Л. Троцким по организации убийства тов. Сталина.

В том же 1932 году Л. Троцкий был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста агентом гестапо и доверенным лицом Гимлера (нынешнего руководителя гестапо) Францем Вайцем, Натан Лурье подготовил покушение на убийство тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932—1933 года, после отъезда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с при-

*) Окончание. Начало на 2-й и 3-й страницах.